

УДК 141+17.023.35

ПОНЯТИЕ ПОЛЬЗЫ КАК ОСНОВАНИЕ ИНЖЕНЕРНОЙ ОНТОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПЛАТОНИЗМА

И. А. Гапаров

Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С. П. Королева (г. Самара)
gaparov.ia@ssau.ru

Аннотация. В статье предлагается рассмотрение проблем распада человеческой субъектности, утраты жизненных смыслов и перехода к третьей искусственной природе через призму инженерной онтологии, реализуемой в процессах создания и управления искусственными объектами. Утверждается, что отношение субъекта к техническим объектам детерминировано пользой как фундаментальным основанием инженерной онтологии. Цель исследования – интерпретация понятия пользы в контексте платонизма и оценка его эвристического потенциала для преодоления вызовов информационного общества. Методологическая база исследования включает: 1) сравнительный анализ платонистских трактовок понятия пользы в истории философии и философии техники; 2) трансцендентальный метод, направленный на выявление априорных условий возможности «пользы» и ее функциональных характеристик. В результатах демонстрируется, что интерпретация понятия пользы в платонизме в качестве механизма перехода от космоса потенциальных решений к метакосмосу актуальных изобретений, реализуемого в актах технической деятельности, предлагает эффективный концептуальный инструментарий для решения актуальных проблем информационной эпохи.

Ключевые слова: польза, платонизм, инженерная онтология, технический объект, информационное общество.

Для цитирования: Гапаров, И. А. (2025). Понятие пользы как основание инженерной онтологии в контексте платонизма. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 26-39. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.26-39.

THE CONCEPT OF UTILITY AS THE FOUNDATION OF ENGINEERING ONTOLOGY IN THE CONTEXT OF PLATONISM

I. A. Gaparov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara)
gaparov.ia@ssau.ru

Abstract. This article addresses the disintegration of human subjectivity, the loss of existential meaning, and the transition to a “third artificial nature” through the framework of engineering ontology, as manifested in the processes of designing and managing artificial objects. It argues that the subject’s relation to technical objects is determined by utility, understood as the fundamental principle of engineering ontology. The study aims to reinterpret the concept of utility within the context of Platonism and to assess its heuristic potential for responding to the challenges of the information society. The methodological basis comprises: 1) a comparative analysis of Platonic interpretations of utility in the history of philosophy and the philosophy of technology; and 2) a transcendental approach aimed at identifying the a priori conditions for the possibility of “utility” and its functional characteristics. The findings suggest that conceptualizing utility in Platonism as a mechanism enabling the transition from the cosmos of potential solutions to the metacosmos of realized inventions – actualized through acts of technical creation – offers a productive conceptual framework for addressing the pressing challenges of the information age.

Keywords: utility, Platonism, activity, cosmos, engineering ontology, technical object, information society.

For citation: Gaparov, I. A. (2025). The Concept of Utility as the Foundation of Engineering Ontology in the Context of Platonism. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 26-39. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.26-39.

Состояние информационного общества в контексте технического мировоззрения

В пятой главе книги «Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта» М. Тегмарк, рассматривая возможные сценарии развития искусственного интеллекта, приходит к неутешительному выводу: большинство из них ведет либо к частичному, либо к полному исчезновению человечества. В чем причина такого исхода? По мнению М. Тегмарка, ключевая проблема – в неспособности людей прогнозировать долгосрочные последствия технического прогресса. В качестве примеров он ссылается на нарративы массовой культуры. Так, главная опасность, скрывающаяся в серии фильмов, посвященных терминатору, заключается «в том, что она отвлекает наше внимание от подлинных рисков и опасностей, связанных с искусственным интеллектом» [Тегмарк, 2019, с. 212]. С одной стороны, риски и опасности заключаются в том, что сложный искусственный интеллект может перестать воспринимать человека как личность, а начнет его воспринимать как вирус и т. п. С другой стороны, пример со скрепками, приведенный еще Н. Бостромом, показал, что «цель искусственного интеллекта не зависит от самого интеллекта» [Там же, с. 288]. Это отражает тот факт, что для людей степень развития интеллекта зависит от успешности реализуемых ими целей. Отсюда следует, что ответственность за потенциальные катастрофы, с точки зрения М. Тегмарка, лежит на людях, поскольку они недооценивают необходимость этического контроля над своими технологиями. Но задолго до него эту тему развивал А. Азимов в цикле работ «Основание». В футуристическом сценарии искусственный интеллект, стремясь сохранить разумную жизнь, лишает людей индивидуальности, заменяя ее коллективным сознанием. И здесь, как у М. Тегмарка, центральной становится проблема утраты человеческой субъектности и распада индивидуального опыта. Другой аспект проблемы – размывание жизненных смыслов в условиях технического прогресса. А. П. Назаретян, автор концепции технико-гуманитарного баланса, в начале XXI столетия связывал кризисы в информационном обществе с дисбалансом между техническим прогрессом и его культурной регуляцией. Согласно этой теории, общество может достичь стабильного состояния за счет повышения сложности управляющих механизмов. В связи с этим А. П. Назаретян сформулировал закон техно-гуманитарного баланса. Согласно ему, «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества» [Назаретян, 2014, с. 99]. И, наконец, требует осмысления проблема перехода «к третьей искусственной природе» (среде, созданной автономными системами). Ведь в отличие от индустриальной эпохи, где доминировало системное мышление, информационное общество нуждается в «средовом мышлении», которое «разворачивается в сфере прагматики и формирует навыки мультисистемного (само)управления, учета множественности систем на фоне граничных параметров среды» [Нестеров, 2021, с. 609]. Формирование средового типа мышления должно начаться с развития гуманитарного знания, которое может позволить вернуть человека к осознанию себя как основы теоретической и практической деятельности.

Возможность создания инженерной онтологии

Несмотря на значительную степень теоретической разработанности проблем информационного общества, многие из них остаются нерешенными на практике. Что необходимо для их преодоления? Информационное общество требует переосмысления возможностей использования достижений научно-технического прогресса, т. е. разработки инженерной онтологии, которая не должна «сводиться только к разработке правил по управлению проектами, безотносительно к содержанию самих проектов» [Боргест, 2018, с. 490]. Ключевым аспектом такой онтологии должен стать процесс исследования «технологии получения и внедрения содержательных решений в разных областях проектирования» [Там же], т. е. суть проективной деятельности. Кроме того, инженерная онтология должна позволить «аксиоматизировать отдельные действительные и возможные миры и искать формы их взаимодействия» [Нестеров, 2021, с. 610]. Без этой возможности человек рискует утратить свою субъектность. В чем заключаются трудности создания инженерной онтологии? Первая трудность – в неопределенности границ ее применения. Инженерная онтология не ограничивается только техническими науками, поскольку современный инженер – не узкопрофильный специалист, ограниченный техническими задачами, такими как создание и внедрение артефактов. Его профессиональная деятельность охватывает целый комплекс экологических, социальных и антропологических факторов. В связи с этим, ориентация только на естествознание, технические и математические науки не соответствует действительной роли инженера в процессе развития информационного общества. Вторая трудность – в неопределенности поведения инженера нового типа. Ведь как поведет себя человек, способный создавать не только технические объекты, но и творить целые технические среды? Классики научной фантастики, такие как Станислав Лем, Айзек Азимов и Филипп Дик, неоднократно обращались к этическим дилеммам, не имеющим однозначного решения. Центральная идея их размышлений заключается в том, что усложнение искусственных систем повышает уровень ответственности их создателей. Рост сложности системы коррелирует с увеличением непредсказуемости ее последствий. Под сложностью понимается способность системы «обрабатывать бесчисленные вероятностные оценки в многомерном пространстве»¹. Однако, как отмечает Г. Киссинджер, «человечеству может быть трудно адаптироваться к этому новому способу познания, ведь нам пока неясно, будет ли этот процесс соответствовать нашему восприятию реальности»². Эта проблема обусловлена особенностями функционирования генеративных систем: хотя они способны выдавать новые знания через выходные данные, сам процесс генерации остается не интерпретируемым, что затрудняет понимание источника полученных результатов. Третья трудность – в неопределенности ценностных установок. Для решения этой проблемы необходимо: 1) учитывать формы управления техническими эффектами, возникающими при взаимодействии разумных существ с искусственными объектами или с их комплексами; 2) располагать наиболее полными данными о возможных изменениях

¹ Киссинджер, Г., Шмидт, Э., Манди, К. (2025). Генезис: Искусственный интеллект, надежда и душа человечества. [Электронный ресурс]. Mybook. URL: <https://mybook.ru/author/erik-shmidt/genezis-iskusstvennyj-intellekt-nadezhda-i-dusha-c/read/> (дата обращения: 03.08.2025).

² Там же.

в поведении искусственных объектов при отсутствии прямого вмешательства человека в научно-производственный процесс. Это требует специфического знания, «которое позволяет получать запланированный результат, основываясь на естественных причинно-следственных связях» [Ястреб, 2022, с. 11]. Его ключевая особенность – в сочетании функциональной, но и символической нагрузки, поскольку «функции артефакта, хотя и обусловлены его физической структурой, определяются человеком, то есть внешней по отношению к данному объекту прагматической установкой, и могут быть определены через ответ на вопрос: какую пользу может принести человеку этот объект?» [Ястреб, 2021а, с. 21]. По мере увеличения числа таких объектов и роста их взаимозависимости (возникновение технических сред), возникает потребность в знании «о том, как вещи взаимодействуют в произведениях деятельности, каков их вклад в системное целое этого взаимодействия» [Нордманн, 2022, с. 17]. Например, система «умный дом» представляет собой небольшую техническую среду, но важно помнить, что ее ключевой момент – это прагматическое содержание, т. е. отношение человека к техническим объектам, в нее входящим. Не среда должна определять человеческую жизнь, а человеку следует начать контролировать параметры среды. При этом вовсе нельзя игнорировать вопрос о доступе к техническим объектам. Для ученых, инженеров, философов понимание их устройства, способов использования и применения существенно отличаются. Ученый, например, не допустит полного контроля инженера над исследовательским процессом, поскольку для науки главное – открытие, устраняющее мысленное неудобство. Инженер, напротив, стремится ликвидировать практические неудобства. И только для философа, который «выполняет в обществе функции интеллектуала, внося вклад в постановку, обсуждение и решение наиболее фундаментальных проблем» [Ястреб, 2021б, с. 247], способ взаимодействия с искусственными объектами определяется механизмами рефлексии, знание которых необходимо для успешного перехода от познания к деятельности. Все это поднимает вопрос о методах управления имеющимся знанием в системах деятельности [Nordmann, 2020] – пользе и области ее применения.

Понятие пользы в платонистских подходах в контексте истории философии

Как отмечает Эрнст Кассирер, польза «противится всякой попытке точно очерченного определения» [Кассирер, 1912, с. 411], поскольку она «констатируется и измеряется то по отношению к отдельному индивиду с его особыми желаниями и склонностями, то по отношению к какой-то общеродовой структуре человека» [Там же]. Действительно, формы и способы определения «пользы» варьируются в зависимости от потребностей и интересов конкретных субъектов. Ключевая проблема заключается в амбивалентности понимания «пользы» различными субъектами. Для преодоления этого противоречия, корнящегося в структуре субъективности, необходимо провести четкую концептуализацию данного понятия. Исторически вопрос о пользе впервые был поставлен в рамках древнегреческой философии. Среди древнегреческих мыслителей Платон попытался определить «пользу» в соответствии с ее местом в процессах познания и деятельности. Он считает, что для осуществления этих процессов «мы нуждаемся в таком знании, в котором сочеталось бы умение что-то делать и умение пользоваться сделанным» [Платон, 1990а, с. 180]. Вопрос о том, что собой представляет такое знание, заставляет

Платона обратиться к «пользе». В диалоге «Кратил» он утверждает, что «полезное – это наименование увеличения и созидания» [Платон, 1990б, с. 663]. В античном мировосприятии увеличение, созидание принижают достоинство и совершенство космоса, т. к. для античного человека космос есть «предельная оформленность в виде вечного, но вполне обозримого целесообразного движения небесных светил» [Лосев, 1998, с. 11-12]. Он не может умножаться и увеличиваться – он завершен. Эти качества свойственны материальному миру, поверх которого находится совершенный мир – мир эйдосов. Отсюда Платон переходит к рассмотрению полезного (утилитарного) и целесообразного отношения к действительности. Если целесообразное «не прекращается в своем движении и не задерживается» [Платон, 1990б, с. 653], то полезное задерживается и связывается с тем, что доступно для восприятия, т. е. заведомо ограничивается чем-то. Ф. Лосев, в связи с этим, утверждает, что поскольку «практика вполне идейна, и без принципиальных идей мы не сможем построить ровно ничего разумного и целесообразного, ровно ничего ведущего нас к осуществлению наших идеалов» [Лосев, Тахо-Годи, 1993, с. 83], постольку «цельная идея есть <...> новое качество в сравнении со своими отдельными частями, так что целое в одно и то же время и состоит из своих частей и вовсе из них не состоит» [Там же, с. 83-84]. Идея в ее действительном выражении существует вовсе не в «чистом виде», т. е. как простое отношение к благу (к целесообразности). Она становится основанием деятельности через внутреннее противоречие, которое одновременно предполагает стремление: 1) к идее как к единству (благу); 2) к идее как к множеству (пользе). Это диалектическое стремление находит свою реализацию в идее вещи, понимаемой как «указание на совокупность существенных свойств вещи, на их состав и построение, на их устройство, и на их назначение, и вообще на их смысл» [Там же, с. 74]. Таким образом, если стремление к единству обусловлено целесообразностью, то стремление к множеству – пользой. Между этими аспектами существует принципиальное противоречие: единство явно обладает субстанциональной природой, множество носит функциональный характер. Из данного подхода следует трехуровневое определение «пользы»: 1) гносеологически – условие познания блага; 2) онтологически – связующее звено между идеей и ее чувственно воспринимаемым образом; 3) праксеологически – свойство применимости идеи [Платон, 1994].

Платоновская концепция пользы оказала значительное влияние на формирование западноевропейской философии. В своих работах Платон показал, что отношение к вещам, соизмеряемое с пользой как ценностью, направляется разумом. Особое значение имеет выдвинутое им положение о необходимости существования априорных норм, предваряющих как чувственный опыт, так и мыслительную деятельность. Отсутствие «пользы» вело бы к беспорядку, к отсутствию космоса. Особое влияние эта идея оказала на философов эпохи Нового времени, для которых принцип полезности предстал в качестве основания, обосновывающего устройство мироздания. Польза стала определяться в терминах целесообразного отношения к миру. Так, следуя за Платоном, пользу определяли Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц. Польза есть рациональный принцип познания и деятельности, предвосхищаемый устройством универсума. Б. Спиноза определяет «пользу» не на фоне идеи блага, а в рамках этики, по отношению к добродетельной и правильной жизни. Польза «извлекаемая нами из внешних вещей, кроме опыта и познания, приобретаемого нами путем наблюдения и изменения их из одних форм в другие» [Спиноза, 2001, с. 449].

Она заключается «в сохранении нашего тела» [Там же]. Однако помимо пользы, направленной просто на сохранение тела, существует «высшая польза», под которой понимается «познание Бога» [Там же, с. 412]. Отсюда следует, что быть полезным – значит соответствовать разумному началу, т. е. атрибуту божественной субстанции. Г. В. Лейбниц, продолжая линию Спинозы, полагает, что «в природе нет ничего бесполезного, и все спутанное должно развернуться» [Лейбниц, 1983, с. 139]. Полезное есть нечто, «содействующее большему совершенству, хотя и не заключающее его в себе, в чем оно и отличается от блага самого по себе» [Лейбниц, 1984а, с. 126], которое влияет на него непосредственно, т. е. заключает его в себе. Под совершенством Г. В. Лейбницем понимается нечто, содержащее больше сущности. Носитель абсолютного совершенства – Бог. Свидетельством этого является то, что при создании универсума им был выбран «план наилучший, соединяющий в себе величайшее многообразие вместе с величайшим порядком» [Лейбниц, 1982, с. 409]. При помощи простейших средств он смог произвести «наибольшее могущество, наибольшее знание, наибольшее счастье и наибольшую благодать в творениях, какие только доступны универсуму» [Там же]. Отсюда следует, что поскольку «все возможности в разумении Бога по мере своих совершенств стремятся к осуществлению, результатом всех этих стремлений должен быть наиболее совершенный действительный мир, какой только возможен» [Там же]. В противном случае мы никогда не нашли бы достаточных оснований для того, почему все это происходит так, а не иначе. В соответствии с этим, совершенство (необходимость) конечных причин определяется не столько благодатью высшего творца, а сколько полезностью для нас. Их знание необходимо «не только для того, чтобы усилить восхищение перед высшим творцом, но и для свершения открытий в его творении» [Лейбниц, 1984б, с. 130].

У Х. Вольфа, в отличие от Б. Спинозы и Г. В. Лейбница, способ определения понятия пользы принимает академическую форму. Польза есть принцип рациональной соразмерности цели и средства. Считая закономерной связь вещей и неотвратимой необходимостью событий, Вольф ставит все то, что познается и может быть познано, в зависимость от источника познания. Польза представляет собой основание познания и бытия, без которого вынесение суждений со стороны разумного агента относительно этого мира, как и взаимодействие с ним, принципиально невозможно. Однако Николай Кузанский сформулировал эту мысль за несколько веков до Х. Вольфа. Рассуждая о мерах, которыми люди способны сравнивать несоизмеримые друг с другом вещи, он видел в мере самой по себе нечто совершенное. Мера – основание для осуществления процедуры измерения. Измерять можно посредством того, что само по себе не может быть подвержено процедуре измерения, т. к. оно познается умом, т. е. тем, «от чего возникает граница и мера (*mensura*) всех вещей» [Николай Кузанский, 1979, с. 388]. Человеческий ум есть мера вещей, а возможен он потому, что ограничен телесностью. Благодаря ей, у ума появляется способность к чувственному восприятию, к рефлексии. На примере искусства создания ложек Николай Кузанский показывает, что поскольку форма этого предмета по природе не доступна для восприятия, у нее отсутствует функциональная сторона, т. е. то, что позволяет использовать ложку. Она возникает благодаря движению рассудка, который «движется вокруг вещей, подпадающих под ощущение, и производит их различение, согласование и разделение» [Там же, с. 392], в то время как форма остается недоступной для схватывания. У нее отсутствует основание быть чем-то определенной. Отсюда следует, что человек способен использовать вещи не потому, что у них отсутствует форма, а потому, что она схватывается

рассудком в качестве знаков, понятий. Подобно Н. Кузанскому, Х. Вольф утверждает, что, несмотря на то, что «польза и цель отличаются друг от друга, но только по отношению к нам, а не к Богу» [Вольф, 2001, с. 345], нам следует признать то, что «польза вещи является также и целью Бога, без которой он не стал бы ее выбирать» [Там же], поскольку то, что мы называем пользой вещи, есть «следствие из ее сущности, которое мы до этого не имели в виду, когда намеревались его произвести» [Там же]. Таким образом, цель, привносимая в создаваемый человеком объект, предвосхищается в знании о том, что с ним может в последующем произойти. Польза – мера познавательной осведомленности о том, насколько устранена нехватка или восполнена потребность, или критерий осведомленности, содержательной информативности о способе применения искусственных объектов. Польза накапливается, тогда как цель остается в неизменном состоянии. Так, например, созданные механиком часы могут использоваться не только как средство для определения времени, но и как украшение на стене в меру своей полезности. Однако о том, что они могут выполнять две и более функций, им не свойственных по вполне естественным причинам, механик может даже не догадываться.

Технический способ определения пользы в платонизме

Вопрос о способах создания искусственных объектов и их применения в соответствии с «пользой» становится отдельной областью исследования второй половины XIX – первой половины XX вв. Попытки его решить прослеживаются в трудах Э. Каппа, Ф. Бона, П. К. Энгельмейера и др. Ф. Дессауэр пытается обобщить все высказанное своими предшественниками и представить их идеи в систематизированном виде. В вопросе о начале творческой деятельности он занимает критическую позицию по отношению к конструктивистскому подходу. Творить можно, отталкиваясь от чего-то фактического (материал, предрасположенность). Далее Ф. Дессауэр выступает против «наивного платонизма», т. к. в нем «мысль о “финалистском” или “телеологическом”, то есть о господстве цели (если говорить со стороны человека) или задачи (если говорить со стороны вещи)» [Дессауэр, 2024, с. 205], выступает причиной, в соответствии с которой отождествляются умение и знания. Отсюда следует, что «умелость техника есть знание, и оттого правильно, хорошо, то есть имеет ценность» [Там же]. В самом же платонизме, очищенном от предрассудков, Ф. Дессауэр видит нечто большее, чем способ обоснования человеческой деятельности средствами техники как умения или навыка. Платонизм – форма мировоззрения, в которой техника выполняет регулятивную функцию в соответствии со своей ценностью. В рамках данной мировоззренческой установки, утверждает М. Н. Вольф, «деятельность инженера, с одной стороны, приравнивается к гуманистическому, творческому акту, что роднит технологическое с областью гуманитарных дисциплин и эстетикой, в том числе и в кантовском смысле, но, с другой стороны, является сопричастной божественному творению и наделяет инженера некоторой сверх-моралью» [Вольф, 2019, с. 140]. Ценность технического заключается в исполнении задачи, т. е. в пользе. Польза, выступая связью между миром идей и миром вещей, призвана обеспечить процесс создания искусственных объектов с точки зрения его успешности и эффективности, назначения и применения. Ведь технический объект, используемый человеком, вовсе не дается ему как чувственно-воспринимаемый артефакт с набором

включенных в него функций. До того, как только он появился, он должен был актуализироваться в потребности, а затем, пройдя через совокупность этапов технической деятельности, приобрести вид данного в чувственном восприятии артефакта. Доступ к «царству предуготовленных форм решений» предполагает наличие привилегий, имеющих не у всякого разумного существа. Это должен быть воспитанный и образованный человек. Он способен связывать друг с другом не только отдельные восприятия, но и разные миры, каждый из которых запечатлевается в совокупности формообразующих сил, «в рамках закона природы, насколько он познан, но за пределы природной данности; всегда финалистски, нацеленно, всегда вначале имманентно или интраментально в мире мышления и представления рефлексирующих духа и души, и лишь затем путем обработки (духовной и ручной) – перенос в опытно данный мир» [Дессауэр, 2024, с. 213]. Отсюда следует, что человек является исследующим существом, т. к. способен осуществлять постановку вопросов и пытаться найти им решение. Проблемы вскрываются человеком в силу имеющейся у него способности к интересу. Он является изобретающим существом, т. к. стремится к формообразованию, навязываемому внешними и внутренними факторами. Наконец, человек есть обрабатывающее существо, т. к. имеет способность «трансцендировать представленное из интраментального пространства, из мира представлений во внешний мир, в окружающую среду своего восприятия» [Там же, с. 212]. Действия человека имеют определенную последовательность, т. к. они соизмеряются с планом проективной деятельности, направленным на создание нового, данного в потенциальном виде, но требующего своей реализации в действительности в качестве артефакта. Проективная деятельность направлена на пользу, которая связывает этапы технической деятельности через посредствующие звенья – создаваемые человеком на каждом этапе искусственные (технические) объекты: на исследовательском этапе – цель; на изобретательском этапе – задача; и на этапе обработки – средство. Каждый из них выполняет отведенную ему функцию в соответствии с тем, для чего он нужен, отвечая тем самым на вопрос: на каком этапе он соотнобразуется пользой.

Польза как связь между этапами технической деятельности запечатлена в функциях. Функциями «пользы» являются зависимости между формообразующими способностями и создаваемыми ими техническими объектами. В качестве критерия успешности применения формообразующих способностей выступает технический эффект. Сказать, что изобретению свойственен технический эффект, – значит то же самое, что «действие или назначение данного изобретения имеет определенное техническое значение» [Энгельмейер, 2019, с. 69]. Однако это определение слишком узко, чтобы отразить полноту всего того, что свойственно технической деятельности в целом. Технический эффект – критерий успешности реализации каждого этапа технической деятельности. На каждом этапе проверяется то, насколько корректно были не только определены, но и применены цель, задача и средство, т. к. они, выступая в качестве продуктов технической деятельности, «преследуют пользу в смысле увеличения производительности труда или же в смысле облегчения в достижении целей независимо от характера самих целей» [Там же, с. 68]. На первом этапе функция «пользы» реализуется как зависимость имеющейся у субъекта способности к интуиции от осознаваемой им потребности. В акте рефлексии субъект создает проекцию проблемной ситуации или такое положение дел, при котором фиксируется неполнота, нехватка чего-либо. На втором этапе функция «пользы» реализуется как зависимость способности к рассуждению или к логическому мышлению от реализуемой им задачи. Задача –

разрешенная проблемная ситуация на уровне мышления. Если целью задается предел осуществления технической деятельности, направленной на решение проблемной ситуации, то задачей полагается алгоритм действий в связи с достижением цели. И, наконец, третья функция «пользы» заключается в зависимости способности к умению или реализации от создаваемого ею средства. Средство вмещает в себя полноту цели и задачи, снимая противоречие, существовавшее между ними на двух предыдущих этапах технической деятельности, когда одно из них, находясь в актуальном состоянии, накладывало ограничения на то, что находилось в потенциальном состоянии. В конечном продукте технической деятельности (в чувственно воспринимаемом артефакте) субъект одновременно осознает сделанное и пока еще не сделанное по причинам, обусловленным уровнем его воспитания, образования и т. д. Классификация объектов, в зависимости от уровня развития человечества, представлена в работе А. Павленко «Сущность техники». Им выделяются следующие виды сущностей: 1) те, которые даны в природе (камни, песок); 2) те, которые не обнаруживаются в природе непосредственно (акведук, корзина); 3) «существует область родов сущего – сущностей, которая предшествует как проявленным, так и непроявленным их формам» [Павленко, 2010, с. 73]. На основании предложенной классификации, он полагает, что в «совершенном платонизме» «сознание может далеко не все производить в качестве продукта своего технического воображения, а только то, что не запрещено онтологически» [Там же, с. 73-74]. Онтологически – это область возможного или, как его называет Ф. Дессауэр, «царство предустановленных форм решений». В нем этапы технической деятельности сводятся к общему знаменателю – к метакосмосу.

Заключение

Возвращаясь к обозначенным проблемам, возникающим вследствие научно-технического прогресса, следует прояснить роль «пользы» в их разрешении. Важно выделить три ключевых аспекта: 1) понятие пользы не может служить решением проблем информационного общества, если не занимает позицию базовой ценности; 2) даже при признании пользы ценностью, требуется субъект, способный реализовать ее на практике, т. е. необходим человек, способный перевести абстрактный принцип пользы в конкретную норму; 3) польза познается априори, т. е. несмотря на то, что люди умеют пользоваться техническими объектами, они стремятся минимизировать риски посредством разработки нормативных ограничений. В этом контексте эффективность демонстрирует платонистский подход к пользе, при котором измеряется отношение субъекта к ценностям при их содержательной неизменности. Польза в платонизме как переход от потенциального космоса решений к актуальному метакосмосу изобретений, создаваемых в процессе творческой деятельности, является высшей ценностью инженерной онтологии – комплекса дисциплин, направленных на исследование, разработку и внедрение искусственных объектов с учетом воздействия разумного существа на них. Польза влияет на мир опосредованно – через технику. Если техника – способ объективизации полезности, при котором «техническое сознание требует учета не только рецепции, но и проекции, не только восприятия и способов его фиксации, но и деятельности» [Нестеров, 2017, с. 94], то польза – это то, что «доминирует в практике средств, где в жизни дело всегда идет о достижении целей» [Гартман, 2002, с. 153]. Это означает, что польза всегда находится на границе между

«миром ценностей» и «чувственно-воспринимаемым миром», т. к. она «соотнесена с предлежащей самостоятельной ценностью, и все, что имеет ценность в ее смысле, есть только “средство” для этой собственно ценности» [Там же].

Платонистский подход к «пользе» позволяет существенно пересмотреть проблемы информационного общества и наметить их решение. Решение первой проблемы («распад человеческой субъектности») представляется возможным при разграничении поведения живых существ и неживых сущностей через пользу, определяемую в платонистском смысле. Живое существо действует в соответствии с целенаправленным поведением [Акофф, Эмери, 1974]. Оно соотнобразует средства с целями. Причем человек, со слов М. Тегмарка, «не преследует единственную цель, а вместо этого следует нескольким основным правилам, которые подсказывают, к чему стремиться и чего избегать» [Тегмарк, 2019, с. 389]. Но все, что создано людьми, «демонстрирует только целенаправленный проект, но не целенаправленное поведение» [Там же, с. 391]. Оно исполняет вложенную инженерией задачу, т. е. полезно в отношении интересов того, кто создает, но не самого себя. Поэтому «машина – агент ограниченной рациональности» [Там же, с. 394]. Ведь даже самые сложноорганизованные машины остаются агентами ограниченной рациональности, поскольку способ их функционирования не совпадает с человеческим мировоззрением. Человек – носитель сложноорганизованного целенаправленного поведения, тогда как машина (ИИ) способна лишь к выполнению алгоритмических задач. Для обеспечения ее корректной работы, требуется этика искусственного интеллекта, в рамках которой польза интерпретируется как «добро» – «польза для другого» [Энгельмейер, 2019, с. 59] или «превосходная степень пользы» [Чернышевский, 1987, с. 223].

Трудность решения второй проблемы заключается в пропасти между созиданием и использованием. Суть проблемы в том, что тот, кто создает, не пользуется, а кто пользуется – не создает. Это разделение восходит к Античности: сначала оно проявлялось в специализации труда между людьми, а теперь – между разумными и неразумными сущностями. В XXI в. человек практически ничего самостоятельно не создает, пользуясь продукцией заводов или генеративного ИИ. В результате он оказывается оторванным от творческого (технического) процесса, а любой производственный кризис способен резко ухудшить уровень благополучия. Возможное решение этой проблемы – переориентация на сократовскую добродетель, согласно которой ценность человека определяется не только созданным, но и пониманием назначения созданного объекта. Совершенство знания определяется его практической применимостью, а критерием этой применимости служит польза.

Наконец, третья проблема, связанная с переходом от второй искусственной природы к третьей искусственной природе, предполагает радикальный пересмотр места человека в информационном обществе. В условиях второй искусственной природы, человек, делегируя контроль над собой техническим системам, постепенно утрачивает свою субъектность – способность чувствовать, считать, а теперь даже мыслить (рефлексировать). Как обеспечить переход к третьей искусственной природе без распада человеческой субъектности? Гарантеей ее сохранения является возврат к установке, ориентированной на защиту личности. Это предполагает отказ от восприятия человека как венца творения в классическом гуманистическом смысле, поскольку его природа не статична, а динамична. Благодаря человеку становится возможным прогресс, который можно определить как рост полезности или «числа истинных предложений, обеспечивающих исполнимость идей

в восприятии, рассудке и интеллекте» [Нестеров, 2024, с. 92]. Таким образом, человек представляет собой единство слоев бытия, которое через «пользу» транслирует идеи из мира «предустановленных форм решений» в чувственно-воспринимаемую действительность. Эта функция чрезвычайно важна для поддержания универсума (космоса). Она предотвращает его переход в состояние термодинамического равновесия.

Список литературы / References

- Акофф, Р., Эмери, Ф. (1974). *О целеустремленных системах*. М.: Советское радио.
Ackoff, R., Emery, F. (1974). *On Purposeful Systems*. Moscow. (In Russ.)
- Боргест, Н. М. (2018). Онтология проектирования от Витрувия до Виттиха. *Онтология проектирования*. Т. 8. № 4. С. 487-522. DOI: 10.18287/2223-9537-2018-8-4-487-522
Borgest, N. M. (2018). The Ontologies of Designing from Vitruvia to Vittikh. *Ontology of designing*. Vol. 8. No. 4. Pp. 487-522. (In Russ.)
- Вольф, М. Н. (2019). Сила, изменяющая облик Земли: обзор книги Фридриха Дессауэра «Спор о технике». *Философия науки*. № 1 (80). С. 134-153. DOI: 10.15372/PS2019019
Wolf, M. N. (2019). The Force Changing the Face of the Earth: Review of the book «The Controversy on the Technology» by Friedrich Dessauer. *Philosophy of Science*. No. 1 (80). Pp. 134-153. (In Russ.)
- Вольф, Х. (2001). Метафизика. *Христиан Вольф и метафизика в России*. СПб.: РХГИ. С. 227-358.
Wolf, Ch. (2001). Metaphysics. In *Christian Wolf and Metaphysics in Russia*. St. Petersburg. Pp. 227-358. (In Russ.)
- Гартман, Н. (2002). *Этика*. СПб.: Владимир Даль.
Hartmann, N. (2002). *Ethics*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Дессауэр, Ф. (2024). *Человек и космос. Опыт. Спор о технике*. Т. 1. Самара: Изд-во «Мудрая черепаха», ИП Алексеев Андрей Павлович.
Dessauer, F. (2024). *Man and Cosmos. Experience. The Dispute about Technology*. Vol. 1. Samara. (In Russ.)
- Кассирер, Э. (1912). *Познание и действительность: понятие о субстанции и понятие о функции*. СПб.: Шиповник.
Kassirer, E. (1912). *Cognition and Reality: The Concept of Substance and the Concept of Function*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Лейбниц, Г. В. (1982). Начала природы и благодати, основанные на разуме. *Сочинения: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 404-412.

Leibniz, G. W. (1982). The Principles of Nature and of Grace, Based on Reason. In *Works in 4 vols.* Vol. 1. Moscow. Pp. 404-412. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1983). Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. *Сочинения: в 4 т.* Т. 2. М.: Мысль. С. 47-545.

Leibniz, G. W. (1983). New Essays on the Understanding, by the Author of the System of Pre-established Harmony. In *Works in 4 vols.* Vol. 2. Moscow. Pp. 47-545. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1984а). Абсолютно первые истины. *Сочинения: в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. С. 123-126.

Leibniz, G. W. (1984а). Absolutely First Truths. In *Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow. Pp. 123-126. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1984б). Аналогический опыт исследования причин. *Сочинения: в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. С. 127-137.

Leibniz, G. W. (1984б). An Analogical Essay in the Investigation of Causes. In *Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow. Pp. 127-137. (In Russ.)

Лосев, А.Ф. (1998). *История античной философии в конспективном изложении.* М.: ЧеРо.

Losev, A. F. (1998). *The History of Ancient Philosophy in a Synopsis.* Moscow. (In Russ.)

Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, А. А. (1993). *Платон. Аристотель.* М.: Молодая гвардия.

Losev, A. F., Tahoe-Godi, A. A. (1993). *Plato. Aristotle.* Moscow. (In Russ.)

Назаретян, А. П. (2014). Воспитательный потенциал синергетики: гипотеза техно-гуманитарного баланса. *Научный результат. Сер. Педагогика и психология образования.* Т. 1. № 2 (2). С. 98-105.

Nazaretyan, A. P. (2014). The Educational Potential of Synergetics: Hypothesis of Techno and Humanitarian Balance. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education.* Vol. 1. No. 2 (2). Pp. 98-105. (In Russ.)

Нестеров, А. Ю. (2017). *Семиотические основания техники и технического сознания.* Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии.

Nesterov, A. Yu. (2017). *Semiotic Bases of Technique and Technical Consciousness.* Samara. (In Russ.)

Нестеров, А. Ю. (2021). Логика прогресса и проблема человека. *Международная научно-практическая конференция «Человек в информационном обществе», посвященная 60-летию полета в космос Ю. А. Гагарина.* С. 608-611.

Nesterov, A. Yu. (2021). The Logic of Progress and the Human Problem. In *Research and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of Yuri Gagarin's space flight.* Pp. 608-611. (In Russ.)

Нестеров, А. Ю. (2024). Истина и польза в техническом мировоззрении. *Философия науки и техники*. Т. 29. № 1. С. 84-97. DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-84-97

Nesterov, A. Yu. (2024). Truth and Usefulness in the Technical Worldview. *Philosophy of Science and Technology*. Vol. 29. No. 1. Pp. 84-97. (In Russ.)

Николай Кузанский. (1979). Простец об уме. *Сочинения: в 2 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 385-444.

Nicholas of Cusa. (1979). The Layman on Mind. In *Works in 2 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 385-444. (In Russ.)

Нордманн, А. (2022). Деятельностное знание или: How to Express Things in Works? *Семиотические исследования*. Т. 2. № 1. С. 16-22. DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-16-22

Nordmann, A. (2022). Working Knowledge or: How to Express Things in Works? *Semiotic Studies*. Vol. 2. No. 1. pp. 16-22. (In Russ.)

Павленко, А. (2010). *Возможность техники*. СПб.: Алетейя.

Pavlenko, A. (2010). *Potential of Technology*. St. Petersburg. (In Russ.)

Платон. (1990а). Евтидем. *Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 158-202.

Plato. (1990a). Euthydemus. In *Works in 4 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 158-202. (In Russ.)

Платон. (1990б). Кратил. *Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 613-681.

Plato. (1990b). Cratylus. In *Works in 4 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 613-681. (In Russ.)

Платон. (1994). Государство. *Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. С. 79-420.

Plato. (1994). The Republic. In *Works in 4 vols*. Vol. 3. Moscow. Pp. 79-420. (In Russ.)

Спиноза, Б. (2001). *Этика*. М.: Харвест; М.: АСТ.

Spinoza, B. (2001). *Ethics*. Minsk; Moscow. (In Russ.)

Тегмарк, М. (2019). *Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта*. М.: Изд-во АСТ: CORPUS.

Tegmark, M. (2019). *Life 3.0. Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. Moscow. (In Russ.)

Чернышевский, Н. Г. (1987). Антропологический принцип в философии. *Сочинения: в 2 т.* Т. 2. М.: Мысль. С. 146-229.

Chernyshevsky, N. G. (1987). Anthropological Principle in Philosophy. In *Works in 2 vols*. Vol. 2. Moscow. Pp. 146-229. (In Russ.)

Энгельмейер, П. К. (2019). *Теория творчества*. М.: Либроком.

Engelmeyer, P. K. (2019). *Theory of Creativity*. Moscow. (In Russ.)

Ястреб, Н. А. (2021a). На границе функционализма и семиотики: два способа изменения функций и смыслов технических объектов. *Семиотические исследования*. Т. 1. № 1. С. 19-25. DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-1-19-25

Yastreb, N. A. (2021a). Between Functionalism and Semiotics: Two Ways to Change the Functions and Meanings of Technical Objects. *Semiotic Studies*. Vol. 1. No. 1. Pp. 19-25. (In Russ.)

Ястреб, Н. А. (2021б). Открывая инструментализм заново: философия техники в работах классиков американского прагматизма. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 64. С. 241-252. DOI: 10.17223/1998863X/64/23

Yastreb, N. A. (2021b). Rediscovering Instrumentalism: The Philosophy of Technology in the Works of the Classics of American Pragmatism. *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 64. Pp. 241-252. (In Russ.)

Ястреб, Н. А. (2022). Как знание становится техническим объектом: эпистемические практики в области информационных технологий. *Семиотические исследования*. Т. 2. № 1. С. 10-15. DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-10-15

Yastreb, N. A. (2022). How Knowledge Becomes a Technical Object: Epistemic Practices in Information Technology. *Semiotic studies*. Vol. 2. No. 1. Pp. 10-15. (In Russ.)

Nordmann, A. (2020). The Grammar of Things. *Technology and Language*. No. 1 (1). Pp. 85-90. DOI: 10.48417/technolang.2020.01.18

Сведения об авторе / Information about the author

Гапаров Искендер Абдурашидович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, г. Самара, Московское ш., 34, e-mail: gaparov.ia@ssau.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

Статья поступила в редакцию: 09.08.2025

После доработки: 01.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Gaparov Iskender – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara, Moskovskoe Sh., 34, e-mail: gaparov.ia@ssau.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

The paper was submitted: 09.08.2025

Received after reworking: 01.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025